

На следующее утро Шуан Цзянь Нянь увидел на доске объявлений секты Яоцзун необычное задание от секты.

«Для Луаньцинь-цзюня изготовить Пиллюлю Успокоения Духа. Награда: десять высококачественных духовных камней.»

Мэн Кэчжи так быстро утратил душевное равновесие? Шуан Цзянь Нянь слегка улыбнулся и снял объявление. Едва он успел положить его в карман, как кто-то резко вырвал его из его рук.

Лэ Таоцин сердито уставился на него:

- Тебе мало того, что ты хочешь заполучить артефакт брата Кэчжи, ты еще и самого брата Кэчжи собрался соблазнить?!

Шуан Цзянь Нянь: «...»

Как он до этого додумался?

Лэ Таоцин продолжал:

- Все в секте знают, что все поручения, касающиеся брата Кэчжи, принадлежат исключительно мне. Ты забрал мое поручение, значит, у тебя на него виды!

Шуан Цзянь Нянь невинно ответил:

- Нет, у меня нет такого намерения.

Лэ Таоцин разозлился:

- Тогда почему ты улыбаешься?

Шуан Цзянь Нянь осознал, что действительно улыбается — так он всегда улыбался, когда хотел кого-то убить.

Он попытался скопировать ту же открытую улыбку, что и у Янь Хуаланя, и сказал Лэ Таоцину:

- Может, я и тебе тоже улыбнусь?

Как и ожидалось, заразительная улыбка Янь Хуаланя произвела эффект. А его нынешний облик Хэ Лю выглядел милым и нежным, как белый нефритовый, и Лэ Таоцин невольно замер.

- Ты... ты... - его лицо раздулось, как у рыбы-фугу, и непонятно, то ли от злости, то ли от смущения.

Это сердитое выражение лица напомнило Шуан Цзянь Няню маленького, постоянно сердитого цыпленка... нет, маленького павлина.

- Ты собираешься навестить Мэн Кэчжи? Пойдем вместе, - Шуан Цзянь Нянь взял поручение из рук парня, - Не волнуйся, я не интересуюсь Луаньцин-цзюнем.

Я просто хочу видеть его мертвым.

Лэ Таоцин неохотно согласился сопровождать его. Они вместе направились в зал Шуюин в Лэцзуне.

Мэн Кэчжи недавно оправился от тяжелого ранения, но новые раны наложились на старые, и он снова слег. После того, как он потерял целую ступень в культивации, его лицо побледнело, он не мог держать в руках чашу с лекарством, а в его взгляде появился леденящий блеск.

Лэ Таоцин весело подавал ему чай и воду, время от времени бросая на Шуан Цзянь Няня самодовольные взгляды, явно демонстрируя свою привязанность.

- [Почему мне кажется, что Лэ Таоцин больше волнуется, не уведет ли хозяин Мэн Кэчжи, чем за его здоровье?]

Шуан Цзянь Нянь задумчиво пробормотал:

«Интересно, что же ему нравится в Мэн Кэчжи?»

Когда Лэ Таоцин насытился показной любовью, он нахмурился и протянул руку:

- Эй, дай мне Пиллюлю Успокоения Духа.

Мэн Кэчжи улыбнулся:

- Не утруждайся. Пусть он даст ее мне.

Шуан Цзянь Нянь высыпал одну пиллюлю из тыквы-горлянки и передал ее Мэн Кэчжи.

Мэн Кэчжи спросил:

- Ты друг Таоцина, которого он недавно завел? Ученик Пэй Юаньбая?

- Да, — ответил Шуан Цзянь Нянь.

То, что Шуан Цзянь Нянь дружит с Пэй Юаньбаем, было хорошо известно Мэн Кэчжи, поэтому он точно заподозрил, что он мог притвориться Хэ Лю. Он чувствовал, как пристальный взгляд Мэн Кэчжи медленно скользит по его лицу, но притворялся совершенно равнодушным, изображая полное простодушие и глупость.

Снаружи все выглядело идеально, и Мэн Кэчжи успокоился.

В этот момент Шуан Цзянь Нянь снова проявил свою былую натуру и, усмехнувшись, сказал:

- Не отравлено, можете не беспокоиться.

Мэн Кэчжи мгновенно изменился в лице, пилюля застряла в его горле, не двигаясь ни вверх, ни вниз.

Шуан Цзянь Нянь прищурился и отступил в сторону.

Путь Бессердечия требует абсолютной пустоты в сердце; чем больше чувств и мыслей, тем труднее сохранять духовное равновесие. Он стремился к тому, чтобы Мэн Кэчжи постоянно сомневался и подозревал, не находя покоя ни днем, ни ночью.

В это время маленький слуга внезапно объявил:

- Его Величество король яо пришел навестить бессмертного господина.

Теперь пришла очередь Шуан Цзянь Няня нервничать. Янь Хуалань? Зачем он сюда пришел? Точно, когда он был без сознания в тайном царстве, он, кажется, упомянул имя Мэн Кэчжи. Тогда ему удалось отвести подозрения стихами. Но теперь, когда Янь Хуалань узнал настоящего Мэн Кэчжи, ложь рассыпалась.

Пока он об этом думал, Лэ Таоцин схватил его за руку и увел за ширму.

Шуан Цзянь Нянь: «?»

Он применил технику сокрытия голоса и спросил:

«Почему ты прячешься?»

Лэ Таоцин слегка покраснел:

«Эта ширма так устроена, что изнутри можно видеть, что происходит снаружи, но снаружи не видно, что происходит внутри. Мы можем наблюдать за тем, что обычно не видно».

Не успел слуга объявить, как Янь Хуалань сам вошел в комнату.

Как только он появился, Лэ Таоцин едва не рассмеялся. Все из-за того, что Янь Хуалань был покрыт разноцветными перьями. Пестрые перья, тщательно расчесанные и блестящие, были пришиты на его мантию. Он выглядел не как посетитель больного, а как участник петушиных боев.

Очевидно, что Янь Хуалань был очень уверен в своем наряде, он даже держал голову чуть выше.

Шуан Цзянь Нянь вспомнил, как в городке Даньдун Янь Хуалань жаловался, что «плохо одет», «грязный и уродливый» — оказывается, он говорил серьезно. Теперь, в этом наряде из перьев, он считал себя нарядно одетым, хотя это и не соответствовало человеческим вкусам.

«Но лицо у него действительно красивое», — передал Лэ Таоцин мысленно.

Конечно, это же его малыш. Шуан Цзянь Нянь не успел выразить свое согласие, как услышал, как Лэ Таоцин восхищенно говорит:

«Ого, какой большой, какой длинный».

Шуан Цзянь Нянь закашлялся.

На что ты смотришь???

Лэ Таоцин:

«Нос высокий, пальцы длинные, даже длиннее, чем у Кэчжи, а ведь он играет на цине».

Шуан Цзянь Нянь вздохнул с облегчением: оказывается, это то, что он имел в виду под «большое и длинное».

Но Лэ Таоцин продолжил:

«По моему опыту, если нос и пальцы такие большие и длинные, то обычно и там тоже большое и длинное. Что ты думаешь?»

Шуан Цзянь Нянь: «...»

Лэ Таоцин протянул руку к талисману прозрачности:

- Хочу проверить свою догадку.

Шуан Цзянь Нянь мигом покраснел и поспешил остановить руку Лэ Таоцина.

- Не надо ничего проверять! Твоя догадка абсолютно верна, на этом и закончим.

- Откуда ты знаешь? - Лэ Таоцин вопросительно посмотрел на него, - Ты уже видел?

Лицо Шуан Цзянь Няня оставалось бесстрастным.

Он не видел, но испытал это на себе до такой степени, что чуть не потерял сознание.

В этот момент противостояние двух мужчин за ширмой прервалось голосом Мэн Кэчжи:

- Король яо!

- Луаньцзинь-цзюнь, Мэн Кэчжи, - Янь Хуалань стиснул зубы, произнося эти имена по отдельности, - Давно слышан о вас.

Мэн Кэжин достал из-под подушки то самое объявление о розыске.

- Я тоже хотел вас найти. Изображение здесь совершенно не похоже, в реальности он куда красивее, - он мягко добавил, - Король яо, неужели вы никогда не видели истинное лицо своего ванфэй?

Его тон был преисполнен высокомерия и неприкрытой насмешки.

Рука Янь Хуаланя оперлась на столбик кровати, который тут же треснул. Между двумя мужчинами витала атмосфера обнаженных мечей и натянутых луков, которую Шуан Цзянь Нянь не мог понять.

По логике вещей Янь Хуаланю сейчас не терпится узнать подсказки, но почему он ведет себя как самец птицы, встретивший свирепого противника? Даже одежда его выглядела вызывающе, словно он пытался привлечь внимание.

Янь Хуалань процедил сквозь стиснутые зубы:

- Какие у тебя отношения с моим ванфэй?

Мэн Кэчжи улыбнулся, его манеры были благородными и нежными, как нефрит.

- Это именно то, что вы себе представляете.

Тон его был двусмысленным, больше похожим на какие-то сомнительные отношения, чем на отношения братьев-соучеников.

Шуан Цзянь Нянь: «?»

Повернувшись, он увидел, что в глазах Янь Хуаланя появились демонические зрачки, а на щеках и шее взметнулись ярко-синие перья, стоящие торчком, явно от ярости.

Шуан Цзянь Нянь: «???»

Остановись! Янь Хуалань, о чем ты вообще думаешь?

Мэн Кэчжи насмешливо продолжал:

- При всем уважении к королю яо, с такой внешностью неудивительно, что он боится показываться.

Еще до того, как Шуан Цзянь Нянь успел что-то предпринять, Лэ Таоцин уже взорвался. Он одним ударом разрушил ширму, подскочил к Мэн Кэчжи и схватил его за воротник, громко крича:

- Что ты имеешь в виду, Мэн Кэчжи? Какие у тебя отношения с ванфэй короля яо? Что значит «именно то, что вы себе представляете»?

Мэн Кэчжи сразу попытался успокоить его мягкими словами.

Шуан Цзянь Нянь не обращал внимания на их ссору, его взгляд был прикован к Янь Хуаланю. Он видел, что Янь Хуалань был так взбешен, что готов был убить, но по каким-то причинам сдерживал этот порыв. Оттолкнув учеников Лэцзуна, он улетел.

- [За пять очков достижений можно услышать мысли Янь Хуаланя. Хотите обменять?]

«Да».

Голос Янь Хуаланя в его мыслях был таким же, как в юности. Шуан Цзянь Нянь услышал его мысли, доносящиеся в голове:

«Брат А-Нянь, почему ты прячешься от меня, почему не дал мне запомнить твое лицо?»

«Почему Мэн Кэчжи знает то, чего я не могу знать?»

«Брат А-Нянь мечтает о Мэн Кэчжи даже во сне, а проснувшись, лишь пытается скрыться от меня».

«Завидую. Так завидую. Хочу убить Мэн Кэчжи».

«Убить, убить, убить, разорвать его на куски...»

«Но это невозможно».

«Мэн Кэчжи - важный человек для брата А-Няня. Я не могу убить его, чтобы брат А-Нянь не стал еще больше ненавидеть, бояться и избегать меня».

В конце юноша едва не захлебнулся от слез: «Я действительно очень скучаю...»

Шуан Цзянь Нянь почувствовал легкую боль в сердце и оборвал дальнейшие мысли.

Нам еще предстоит пройти долгий путь по одиночке.

Он успокоил свои мысли. Лучше сначала заполучить Бай Юэ Хуа, а потом думать о прочем.

*

Турнир алхимиков начался с огромным вниманием со стороны публики.

Секта Яоцзун специально установила перед главным залом нефритовую платформу в качестве арены, способную вместить десятки тысяч человек. В центре этой платформы сидели тридцать

участников, прошедших предварительный отбор.

Судьи находились в главном зале, наблюдая за процессом каждого участника через водные зеркала. Сотни водных зеркал были разбросаны по различным секциям Яоцзун, транслируя детали турнира для тысяч зрителей.

Шуан Цзянь Нянь достал свой отремонтированный котел и начал неспешно готовить зелье, необходимое для первого этапа.

Турнир алхимиков состоит из трех этапов, каждый из которых становится сложнее, а очки суммируются. В конце побеждает тот, кто наберет наибольшее количество очков.

- Контроль в этот раз очень строгий, невозможно воспользоваться связями или жульничать, - презрительно прошептал ему Лэ Таоцин, - Интересно, без возможности обмана, как ты опозоришься?

Шуан Цзянь Нянь не ответил, а продолжил оценивать уровень участников. Он не хотел выделяться, поэтому решил занять пятое место в первом этапе и наверстать позже.

Пусть будет пятое. Он неспешно растолок травы и разжег огонь. Другие участники сосредоточились, потев от напряжения, и его флегматичный подход привлекал внимание многих.

- Кто этот юноша с большими глазами? Незнакомое лицо, раньше о нем не слышал.

- Говорят, он попал сюда благодаря чистому везению. Он занимается алхимией всего десять лет и еще очень молод.

- Он совсем не торопится. Видимо, смирился с поражением. Такой милый.

- Похоже, он станет талисманом этого турнира. Помните, на прошлом турнире талисманом был тот, кто занял последнее место? Он тоже не боялся ни неба, ни земли...

Шуан Цзянь Нянь не обращал внимания на эти разговоры. Закончив приготовления, он начал работать так расслабленно, что, казалось, его душа уже улетела в мир грез.

Но он был не единственным, кто скучал на турнире. В главном зале, один из судей, Янь Хуалань, тоже изнывал от скуки.

Картинки на водных зеркалах медленно проплывали, а в его голове крутились мысли о Шуан Цзянь Няне и бесполезном хвостовом пере. Что еще, кроме этого пера, может подтвердить личность брата А-Няня?

Янь Хуалань вспомнил о рыбе в своем даньтяне. Рыба была ароматной и соблазнительной, но брат А-Нянь запретил ему есть ее, поэтому он терпел. Рыба, оставленная Шуан Цзянь Нянем, казалась единственной связью между ними.

Из любви к дому Янь Хуалань полюбил и эту рыбу*.

(ПП: из поговорки «любишь дом, люби и ворона на его крыше»)

Он сосредоточился на своем даньтяне, собрал свою ауру в форме ладони и погладил чешую плавающей рыбы, отчего та слегка затрепетала, желая вырваться, но не в силах этого сделать.

Вдруг он услышал тихий голос главы секты Яоцзун, Лэ Бувэя:

- Брат Пэй, почему твой ученик вдруг упал?

Янь Хуалань открыл глаза, и водное зеркало как раз отразило ученика Пэй Юаньбая — того самого очаровательного юношу с белой кожей. Неизвестно как, но этот юноша, который только что спокойно охранял алхимическую печь, теперь лежал на боку, его лицо было пунцовым.

По инерции Янь Хуалань снова провел рукой по рыбе. С его движением юноша в зеркале резко вздрогнул, в его глазах заблестели слезы, он сжал губы, сдерживая звук, будто погладили не рыбу, а его.

Янь Хуалань вдруг понял, что происходит.

В то время, когда он впервые коснулся рыбы в тайном царстве, брат А-Нянь реагировал так же, не правда ли?